

4. *Екатеринбург*. Искусство России [Электронный ресурс]: – Режим доступа: <http://www.gif.ru/actions/long-stories/>.

5. *Лосев А. Ф.* Диалектика мифа [Электронный ресурс]: /А. Ф. Лосев. Режим доступа: http://www.philosophy.ru/library/losef/dial_myth.html.

6. *Молоков А.* Моя улица Вайнера [Электронный ресурс]: /А. Молоков // Уральский архитектурный портал. Режим доступа: <http://arch66.ru/articles/9/13>.

7. *Рахманова А.* Рурская область – культурная столица Европы [Электронный ресурс]: / А. Рахманова. – Режим доступа: <http://www.dw-world.de/dw/article/0,5069082,00.html>.

А. А. Махнев, А. К. Махнева, Н. В. Екимова
(*науч. рук. М.В. Семенова*)

ГОРОДСКОЕ ПРОСТРАНСТВО И СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО (ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ МИФОЛОГЕМЫ ЕКАТЕРИНБУРГА)

Благодаря историческим наслоениям городское пространство современного Екатеринбурга изумляет разнообразием стилей и причудливостью форм. Советские звезды, православные кресты, официозные колоннады уральских вузов, приземистые купеческие дома, конструктивистские громады. Город украшали, как могли, купцы и промышленники прошедших веков, однако, мало заботясь о целостности пространства, о единстве стилей. Все это привело к тому, что современное городское пространство лишено этого единства.

С одной стороны это крайне неудобно: нет единого фундамента, на котором можно построить прочную концепцию развития городского пространства. С другой стороны, как мы помним: современное искусство стремится не к универсальности, а к уникальности – и для создания уникальных произведений или объектов Екатеринбург является очень подходящим местом.

Возвращаясь к проблематике создания образа города как цельного уникального по своим культурно-историческим характеристикам пространства, необходимо отметить, что существует два основных фактора, определяющих процесс его становления:

1. контекст (среда развития) городского пространства. Сюда относятся все культурные, социальные, исторические, политические и экономические условия развития образа;

2. геопространственный ресурс местности. Он включает в себя систему информации, знаний и образов (стереотипов, архетипов и символов) о пространстве города. Этот ресурс используется в процессе изменения или создания нового образа города.

Иными словами, образ города тогда будет выглядеть цельным и устойчивым, когда в его основе будет лежать пространственная система, формируемая элементами самого города, где сами элементы представляют собой готовые мифологемы.

Артистичен, горд и прекрасен холодный Петербург. Шумна и весела буйная, но официальная Москва. Спокойна, какая-то по-особому ласковая провинциальная Пермь. Этим городам есть чем гордиться, есть, что показывать приезжим. Эти города устоялись стилистически.

Так сложилось исторически, что Екатеринбург только в настоящее время приобретает черты стабильности в социальном и политическом плане. За годы существования город накопил достаточно мощный потенциал в художественном смысле, и сейчас современные художники совместно с ЕФ ГЦСИ реализуют этот потенциал, внося немалый вклад в поднятие статуса города, в формировании положительного представления о Екатеринбурге.

В проектах современного искусства можно увидеть различные подходы к решению проблемы органичного включения искусства в пространства города. Различие проявляется, прежде всего, в работе художников с формами и пространствами городских территорий. Здесь мы охарактеризуем эти подходы:

1. Наполнение старого пространства новой формой. Изменение пространства путем включения в него новых элементов.

2. Наполнение старого пространства новым смыслом. Существует ли такой подход в пространстве города Екатеринбурга?

3. Наполнение старой формы новым или дополнительным смыслом (Арт-завод, проект «СтолпоТворение») – применение в искусстве мифологемы.

Проясним некоторые формулировки. Под пространством города здесь понимаются непосредственно пространства, находящиеся вне зданий: улицы,

парки, водные пространства и т.д. Под формой здесь понимается любой объект на территории города, созданный в результате человеческой деятельности: здание, комплекс зданий, любое искусственное сооружение (скульптура, пирамидка из камней, поминальный крест и т.д.).

Отметим, что в данном случае мы не учитываем создание нового пространства, как отдельный подход в современном искусстве, руководствуясь тем мнением, что создание нового пространства в городской территории преследует, прежде всего, градостроительные цели. Заметим также, что современные городские постройки практически не влияют на создаваемый другими видами искусства образ города, так как в большинстве случаев исполняют лишь утилитарные функции и не формируют в городской среде пространства искусства.

Рассмотрим и проанализируем ситуацию существования современного искусства в рамках городского пространства, а также подходы в современном искусстве города Екатеринбурга к формированию оригинального городского пространства. Для этого обратимся к таким составляющим городской среды, как новые формы и новые смыслы.

Говоря о наполнении старого городского пространства новой формой, как подходе в искусстве мы сознательно упрощаем схему. На самом деле, выставляя на территории города объект искусства, мы предполагаем, что он не только имеет определенную форму, но и наделен смыслом, который вкладывает художник в свое произведение. Художники с таким подходом подразумевают, что их произведение окажется настолько «сильным» (и по форме, и по содержанию), что абсорбирует пространство, в котором оно расположено и, вобрав в себя дополнительные характеристики, займет положение знакового места.

Рассмотрим конкретные примеры.

1. «Памятник Клавиатуре» (художник Анатолий Вяткин). Памятник имеет внешний вид современной офисной клавиатуры в масштабе 30:1. Выполнен он из бетона. Все кнопки установлены в стандартном порядке компьютерной клавиатуры, но не впритык, между ними оставлено место для травы. В общей сложности длина клавиатуры составила около 12 метров, размер квадратных кнопок – 30х30 см.

По замыслу художника суть монумента заключается в том, что клавиатура – это инструмент коммуникации, дверь в открытый мир, в более широком

смысле – свобода. Выбранная для отражения замысла форма лаконична и лапидарна. Она не только доходчиво и просто обозначает замысел, она удивительно гармонично вписывается в ландшафт городской набережной. Форма клавиатуры, как памятника, оказалась соразмерна человеку: бетонные клавиши, например, можно использовать вместо скамеек во время созерцания берегов Исети.

Клавиатура оказалась настолько удачным знаком, что вскоре она приобрела статус «знакового места». Она специфически «абсорбировала» пространство. Например, подарила новый смысл реке Исети: «Исеть» - «iсеть». «Клава вошла в число наиболее известных городских топонимов: «встретимся у клави», «жми на клави» - и так далее. Здесь имеет место феномен палимпсеста уместно будет сказать о наличии палимпсеста. Для разных групп жителей города «Памятник Клаве» являет множественные пространства. Для молодежи – это место встреч. Для родителей – развлекательно-познавательный объект для их детей. Для пользователей компьютеров – символ их деятельности.

В целом «памятник Клаве» можно охарактеризовать как удачное включение искусства в городское пространство.

2. Памятник «Человеку-невидимке» (авторы: Евгений Касимов (литератор) и Александр Шабуров (художник)). Полное название: «Первый в мире памятник Человеку-невидимке, герою новеллы Герберта Уэллса». По словам авторов проекта «памятник человеку-невидимке» – это памятник трагедии одиночеству и непонятости, памятник миру, где «не видят люди друг друга, проходят мимо друг друга». Выбранная для выражения замысла форма проста: горизонтальная металлическая плита метра на метр с отпечатками двух ступней: 41 и 43 размера (отпечатки ступней авторов проекта).

Монумент, созданный достаточно давно, до сих пор остается «невидимым». О нем не знают даже многие жители города. Возможно, дело в неудачном месте расположения. Рядом с монументом находится городская библиотека им. Белинского, в просторечии – «Белинка» – сильный топоним, который оттягивает на себя основную значимость в данном пространстве. Однако те, кто знают о памятнике, с удовольствием назначают здесь встречи, так как плита – это более «точечный» объект, чем огромное здание библиотеки или шумный, наполненный людьми остановочный пункт.

В целом, памятник интересен. Форма соответствует содержанию, однако как раз в силу минимализма памятник оказался несоразмерен городскому пространству и месту, опознавательным знаком которого является здание библиотеки, как более известное и крупное по сравнению с небольшой металлической плитой.

3. Скульптурные инсталляции. Относительно недавно стал популярен в городе Екатеринбурге такой вид искусства, как скульптурная инсталляция. «Металлическая скульптура на улицах города. Ей придумали невозможно сухое название — «контактная». Это потому, что она не забралась на высоченный постамент и не отгородилась табличками «Не трогать!», «Не подходить!», а вышла в люди». Так описывают данное культурное явление в сетевом издании «Человек без границ».

Екатеринбуржцы знают, основное скопление скульптурных групп находится на улице Вайнера – самом интересном художественном пространстве города. Особой притягательностью для горожан и гостей города обладают скульптурные группы. Как рассказывает Андрей Молоков, архитектор и руководитель проекта, – в 2005 году Администрация города объявила конкурс в Союз художников на создание скульптур на пешеходную улицу. Было представлено множество работ, из которых выбрали только семь, разделив их на два участка. На первом участке скульптуры отражают старый Екатеринбург: это Артамонов на велосипеде, коробейник, кузнец с лошадьёю. На второй части улицы попытались воссоздать современный город – влюбленные, банкир, фонтан.

Эти скульптуры очень близки людям. Они сделаны с необычайной теплотой – долей юмора и доброты. К ним можно прикоснуться, с ними можно сфотографироваться. Они с самого начала несут в себе интерактивное начало – то самое, которого добиваются во многих музейных проектах и иногда – не могут добиться. Эти скульптурные группы, как правило, вызывают у людей эмоциональный всплеск за счет эффекта неожиданности, а затем – улыбку, то есть положительные эмоции.

Однако следует отметить, что удачный замысел был воплощен в неудачной форме. В этой скульптуре, хотя и соразмерной человеку, нет подлинной жизни. Пластический язык скульптур излишне реалистичен, близок к натуралистичности. В этом заключается его архаичность. А множественность такой

скульптуры на территории города говорит скорее о поточном производстве, чем о любовно созданном произведении искусства. Такая скульптура сродни сувенирам, поставленным на поток. Она украшает улицу, но не изменяет ее пространства, а самое главное – изначально не несет в себе никакого смысла. Подобные «украшения» мы можем увидеть не только на улице Вайнера, но еще во многих местах Екатеринбурга.

Однако подобные арт-объекты уже успели обрасти городскими легендами и историями, что свидетельствует об их популярности и народной любви. Например, городским обывателям полюбился «Коробейник»: считается, что ровно в полночь, загадав желание нужно потереть у скульптуры кончик носа или волшебный пузырек с духами. Более практичные жители Екатеринбурга утверждают: «тайна в денежке», лежащей на подносе коробейника.

«Контактную» скульптуру города Екатеринбурга можно привести как пример украшения городского пространства и одновременно как пример объектов, лишенных мифологического аспекта, и как следствие неудачного заполнения территории.

Таким образом, в первом случае имеет место механизм мифологизации территории, когда первичный смысл похищается мифом. Место при этом становится знаковым, порождает новые смыслы и реальности, в которых существуют разные группы жителей города.

Второй пример связан с неудачным расположением, не смог приобрести дополнительный набор характеристик, и оказался «задавлен» более сильным в географическом плане местом.

В третьем случае мы столкнулись с объектом, изначально не несшем в себе определенного смысла, кроме интерактивного, развлекательного начала. Объекты справляются со своей функцией украшения, но пространство, в которое они включены, ничего не выиграло от их присутствия, равно как ничего не потеряло.

Однако с течением времени старые пространства невольно обретают новые смыслы. Известно, что создание новых пространств в городе не дает нам новых подходов искусства, так как оно вообще с искусством связано слабо. В подобных ситуациях происходит переосмысление уже существующего пространства, введение в него дополнительных мифологем. Есть ли в Екатеринбурге примеры переосмысления пространства искусством?

На первый взгляд, примером подобного переосмысления пространства искусством является одна из старейших улиц города – улица Вайнера. Несмотря на то, что на карте Екатеринбурга она появилась в 1735 году, улица не потерялась во времени, ее не застроили во время активного расширения города. Ее очертания и география не слишком изменились. Облик поменялся, но остался прежним» – информирует сайт «Екатеринбург + Свердловск». Последняя фраза явно содержит в себе оксюморон. Улица Вайнера за 75 лет своего существования претерпела изрядные изменения, как внешне, так и внутренне.

Последним серьезным изменением внешнего вида улицы стала ее перепроектировка в первое десятилетие XXI века. В последнем проекте она задумывалась как улица для прогулок и встреч наподобие Арбата в Москве или Лайсвис-аллеи в Каунасе. Проектировщики-архитекторы детально изучали городское пространство в этом квадрате, чтобы плавно и гармонично вписать в него этот уникальный для Екатеринбурга арт-объект.

Главный архитектор проекта А. Молоков считает, что проектируя такую улицу нужно четко понимать ее особенности: обычно это улица в торговом центре города, на нее буквально как бусинки на нитку нанизываются другие объекты. Необходимо учитывать, какие улицы к ней примыкают, какая раньше была структура, какая стилистика в зависимости от ее истории. Важно понимать ее назначение, считает он. Концепция разрабатывалась долго, и наконец, был предложен следующий вариант: во-первых, архитектура зданий разнородна и отражает стилевые решения как XIX, так и XX веков. Поэтому привязываться к какому – то стилю нет необходимости и можно предложить что-то свое. У нас родилась идея, что застройка будет являться как-бы каркасом, а сама пешеходная улица может быть «рекой жизни» [3].

Изменения во внешнем облике не всегда ведут к изменениям в представлении о предмете. Замысел архитекторов оказалось сложно воплотить в жизнь, потому что в данном случае утилитарная функция преобладала над художественной. Перепланировка привлекла на улицу достаточно большое количество народу, но пространство ее осталось вне зоны мифологем. Оно раньше имело характеристику «одной из центральных улиц», перепланировка не добавила улице особого смысла. Не была задействована информация по прошлому этой улицы: образы, опознавательные знаки, важные сооружения – словом весь блок

необходимых для создания нового репрезентативного представления об объекте материалов.

В результате культурные инсталляции не придают концептуальности месту, они украшают его так же, как фонари каслинского литья и высокие кадки с цветами.

Можно говорить, что улица Вайнера – пример качественного российского дизайна, удачный пример градостроительной планировки. Современное искусство ее не коснулось. Хотя, безусловно, улица Вайнера сделалась визитной карточкой города, возможно в чем-то превосходя по значению «главный проспект» – улицу Ленина.

По соседству с улицей Вайнера притаился небольшой дворик (8 марта, 21). Он почти незаметен в ряду однообразного вида старинных домиков, образующих эту сторону улицы 8 марта. Отличается он тем, что в отличие остальных узких двориков он с некоторых пор не закрыт на тяжелый замок: напротив, вход в один из подъездов здания производится со двора. В зданиях, образующих дворик располагаются серьезные организации: информационная туристическая служба, несколько магазинов.

Однако вид самого дворика совершенно не соответствует официозу. Дело в том, что стоящие там заборы покрыты необычными, а в некотором роде даже экзотическими росписями.

Авторство этого удивительного места принадлежит екатеринбургской арт-группе «Куда бегут собаки» и молодому граффитисту Vizer. И этот дворик я считаю примером переосмысления пространства – удачной попытки создать миф.

1. «Ни Европа, ни Азия» - таков замысел творческой группы. Эти росписи и инсталляции, разные, по сути, выразили идею пространства, вне привычных территорий: единства Европы и Азии – столь любимый в последнее время стереотип уральского региона. Именно они «поместили» дворик в метaproстранство.

2. Помимо собственной идеи художников дворик превращается в означающее, порождающее собственные знаки-мифы. Дворик является островком неофициального искусства в пространстве официоза и этим порождает целую волну смыслов. Художники группы «Куда бегут собаки» создали гипертекст, шифр с помощью набора привычных, но дорогих сердцу вещей: скворечник,

ржавые тапки, трусы и майка, которые еще не успели высохнуть на веревке, лопаты и даже старый персидский ковер. Сами по себе, по отдельности эти вещи не несут в себе иного смысла, чем собственной функции, но, объединив их, художники возвели их в статус сообщения, мифа: о прошлой жизни, о детстве, о советской эпохе. Для каждого человека оно обретет свой смысл, возможно, совсем иной, чем тот, который вкладывали в него художники. Выражение идеи мифа, развивающегося во времени.

3. Отметим также, что дворик является закрытым замкнутым пространством, сокрытым от глаз непосвященных. Это важный момент сакрализации искусства, искусства для избранных. Очень важно отметить, что на протяжении истории искусства многие художники старались отгородить свое произведение, обозначить границу между миром внутренним и миром внешним. Излюбленными сюжетами долгое время выбирались мифические и библейские, дабы подчеркнуть божественное произведение искусства. Выбор пространства в виде двора – это идея превращения обычного пространства в сакральное, таинственное и знаковое.

4. Выбор сюжетов также не случаен: росписи, сделанные группой граффитистов под руководством Vizer, закономерно поддерживают линию мифа, развивающегося в пространстве. На стене при входе разместилось огромное трафаретное панно, изображающее процесс нанесения трафарета с известной гравюры Хокусая. Не менее важны, на наш взгляд, и странные фигуры с лицами буддийских святых или инопланетян – лица, застывшие в собственном пространстве, вне времени.

Скорее всего, речь о создании определенного мифа территории. Именно так формируются неофициальные «места силы», не менее притягательные, чем официальные объекты. Можно назвать это стратегией интеграции новых мифов, новых смыслов, которые становятся катализаторами новых отношений, утверждающих многослойность и неоднозначность образа города.

Трансформации старой формы всегда предшествует ее переосмысление. Согласно языку Барта, миф – это вторичная семиологическая система, что знак первичной семиологической системы будет для мифа лишь означающим. Иными словами, говоря о наполнении старой формы новым смыслом, мы говорим о чистом создании мифа – мифологизации объекта. Возникает вопрос: можем ли

мы говорить о мифологизации, как о методе современного искусства, в случае переосмысления искусством старых форм?

Рассмотрим данный подход на примере художественных акций, фестивалей и конкурсов объектов города Екатеринбург.

1. Конкурс проектов «Длинные истории Екатеринбург», выполненных в технике монументальной живописи. Монументальная живопись – один из самых древних видов искусства, потому что с помощью него можно придать любому сооружению праздничный, радостный вид. Однако, очень долгое время ею украшали стены изнутри, а не снаружи. В двадцатом веке помимо монументальной живописи появились такие виды искусства как суперграфика и граффити, которые требовали социально – активного внешнего размещения, а технически – широких поверхностей.

Эти молодые виды искусства направлены на большие группы людей. Они зачастую являются знаками, символами, средствами самовыражения, которые художники оставляют как опознавательные знаки. Поэтому город, особенно на окраинах пестрит раскрашенными гаражами, остновочными комплексами и заборами. Зачастую, это довольно примитивные раскраски, но попадаются вполне интересные экземпляры.

В Екатеринбурге непрерывно идут стройки, в том числе и в центральных районах. Вид города, закованного в броню серых бетонных заборов с такими же серыми бетонными строящимися домами суров, уныл и скучен. Долгое время даже существовал миф о нашем городе, как о городе бесконечных неопрятных заборов.

Заборы – одна из самых старых форм в образе города. Они изначально являлись знаками «присвоенной территории». Существовал стереотип забора, как места, вобравшего в себя непристойные надписи и рисунки. Бороться со стереотипом (как мы помним, стереотип входит в понятие «образа») можно только с помощью образа: позитивного и радостного. Поэтому на новостном сайте «Искусство России» об этом проекте сказано, что длинные истории Екатеринбурга – это серия произведений современного искусства, создаваемая в технике монументальной живописи, суперграфики или граффити, выполняется на бетонных заборах, огораживающих строительные и промышленные объекты в центре Екатеринбурга [2]. Проекты принимаются на конкурсной основе, и ра-

боты, прошедшие этот конкурс, претворяются в жизнь на бетонных заборах, окружающих некоторые строительные и промышленные объекты города Екатеринбурга.

Конкурсу уже шесть лет. За это время реализовано 62 художественных проекта: подобные мероприятия пользуются популярностью и привлекают художников. Очень важно, что конкурс предлагает разные «весовые категории» - от мастеров до студентов. Это позволяет участвовать в конкурсе молодым художникам и студентам, желающим проявить себя. Неудивительно, что у конкурса нет недостатка в проектах. Более того – специфика подачи работ, как «уличных» гарантирует то, что работы увидят и заинтересуются ими гораздо с большей вероятностью, чем, если они красовались в музее. Сам факт, что работу увидит множество людей, которые по самым разным причинам совершенно оторваны от искусства, кроме этого, польза чисто практическая – забор будет покрашен, составляют главные(с точки зрения молодых участников) аргументы проекта. [2].

«Длинные истории» несложно отличить от других работ в стиле граффити или даже монументальной живописи. Во-первых, они расположены действительно на бетонных заборах. Во-вторых, они занимают определенное количество секций забора (от семи до пятидесяти), то есть они «раскадрированы» по типу киноплёнки. В-третьих, даже в работах молодых художников достаточно легко улавливается красота произведения искусства, его осмысленность и хорошая техника.

Приведем примеры некоторых работ проекта:

– проект «Коммуналка» (Арт-группа «Несруки»). Он один из наиболее запомнившихся и крупных проектов «Длинные истории-2» тяготеет к примитивизму, советской мультипликации 80-90х годов. Используя пастельные тона, художники добились эффекта «выцветшей пленки» – старого, но любимого мультфильма, засмотренного до неузнаваемости. Особую символичность придало этому проекту то, что расположен он был на заборе по улице Лермонтова, опоясывающем стройку элитного VIP-жилья;

– проект «Оцифровка воды». (Арт-группа «Куда бегут собаки»). Произведение расположено по улице Фурманова между ул. Белинского и Машинной. Для презентации проекта его авторы прямо на улице установили аппарат для оцифровки воды, который работал на глазах у зрителей и «распечатывал» по-

лученные данные на матричном принтере. Музыкальным сопровождением стали звуки печатающего принтера, которые обрабатывались на компьютере и смешивались с голосами окружающих и сэмплами. Художники объединили работу в пространстве и времени, где объект, воспринимаемый во времени впоследствии будет восприниматься в пространстве, не потеряв первоначального смысла, но добавив новые, не менее интригующие;

– «oil industry worker». (Еще один проект группы «Куда бегут собаки»). Он развернулся у станции метро Геологическая и Академии народного хозяйства, став символическим выражением случайно сложившейся взаимосвязи объектов. «The Oil Industry Worker» – это мифологическая история, которая создана вместо нефти, которой в городе нет. Как положено мифологической истории, она включает в себя бытописание жизни нефтяников и представляет ее, как и положено, в мифологической практике, от начала и до конца.

Все организаторы проекта считают, что забор как объект недолговечен, непостоянен, обречен на то, чтобы быть по окончании стройки разобранным. Но именно это делает проект, с одной стороны, ненавязчивым, чувственным событием, позволяющим ощутить течение времени в городе, а с другой, придает «длинным историям» удивительную актуальность: рисунки являются искусством только сегодняшнего дня.

Организаторы стараются максимально расширить тематику сюжетов. Они выбирают темы удивительно широкие для того, чтобы дать художникам выбор сюжеттики. Работы эти на самом деле заметны. Многие даже не знают, что расписанные непонятными абстракциями – иногда глупыми, иногда философскими, иногда «высокохудожественными», иногда примитивными – бетонные плиты заборов относятся к одному конкурсному проекту, который стартует каждое лето. Люди обращают внимание и определенным образом реагируют на те «послания», которые пытаются с помощью цвета передать молодые художники.

В целом, у проекта много достоинств: привлечение молодых художников, размещение произведений в общественных городских пространствах, простор для художественной мысли.

Однако при всех достоинствах, в этой области мифологизации не происходит. Большая часть росписей носит иллюстративный характер. Молодые художники самовыражаются, но это самовыражение не добавляет бетонному за-

бору, как объекту, новых смысловых характеристик. Не происходит слияния: забор остается забором (разве что забором раскрашенным), роспись сохраняет смысл, вложенный в нее художником, и в смысловом поле существует отдельно от забора.

Такой проект не может существовать долго. Он будет жить ровно столько, сколько будет жить первоначальный вложенный в него смысл. Возможно, другие проекты в области монументальной городской живописи и граффити окажутся более удачными в этом плане.

Проекты фестиваля «СтолпоТворение» были также интересны. Авторы, увлеченные идеей мифотворчества, отнеслись идее более, чем серьезно. Они постарались подарить некоторым городским пространствам дополнительные смыслы. Рассмотрим некоторые проекты фестиваля.

В проекте ЕФ ГЦСИ 2006-2007 годов «СтолпоТворение» главным символом стала Свердловская телебашня. Тема руин, останков мощных сооружений всегда была излюбленной темой художников. Недостроенная Свердловская телебашня была выбрана в качестве символа из-за своей приметности (что немало важно для основы под миф), но также в силу того, что она на тот момент уже являлась знаковым местом («местом памяти»). За период своего существования телебашня успела накопить в себе достаточно смысловых характеристик: «символ разрушенных амбиций», «место собраний экстремалов и самоубийц», «заброшенное место» – провокативный, эпатажный монумент. Башня – уже сама по себе миф, утративший свое первоначальное значение еще в момент остановки над ней всех строительных работ.

«Мифологический дендрарий». Наиболее масштабный проект, оставивший наибольший след в городских пространствах. (Авторы проекта: Шугуров Павел и арт-сообщество «33+1»). Концепция проекта: возведение Свердловской телебашни (появление энергетической вертикали) изменило экологическую обстановку края. В результате чего начали оживать «самые диковинные растения земли уральской» [1, с. 28]. Гербарий получился достаточно обширный. Форма исполнения: проект нашел реализацию в виде фрески (Свердловскстат, Толмачева 23) и «секретиков» – арт-объектов, расположенных на Аллее Культуры вдоль набережной Исети.

Каждый объект этого проекта, а особенно фреска в силу своей масштабности, привлекает взгляд. Фреска через некоторое время стала знаковым местом: подле нее начали назначать встречи: любоваться ею и додумывать различные собственные смыслы. Однако искусственно созданная мифология оказалась недолговечной, вскоре фреска встроилась в пространство города настолько, что растворилась в нем и перестала быть заметной.

Остальные достойные проекты: «Тени» Андрея Сяйлева (рассредоточенные по городу тени фотографа, «улыбки без кота»), «замочные скважины» Олега Горбенко и Ксении Чистяковой (арт-объекты, позволяющие увидеть городские пространства в самых неожиданных и необычных ракурсах) и т.д.)

Завершался проект опен-эйром, в котором приняли участие Сергей Лаушкин, арт-группа «Суп и облака», группа «А-ять», художники и музыканты тюменской «Пакс-студии».

Почему же все-таки проект оказался очень тяжелым в плане организационном: «по числу технических накладок» и незаслуженно забыт?

С точки зрения мифологизации пространства в данном случае получается, что мы говорим о создании нового мифа с помощью уже существующего. Или это попытка придания старому мифу новых возможностей? Скорее – второе. Нарботки участников фестиваля оказались вплетены в один из пластов множественных реальностей башни. Башня, как уже устоявшийся миф, поглотила дополнительные характеристики, которые ей дали эти проекты, тем самым приобретя больший вес в мифологическом пространстве Екатеринбурга. Фреска и «секретки» – действительно оказались ее «детками», потому что расширяют репрезентативные представления о башне, дополняют ее мифический облик.

2. Особо значимым мероприятием является фестиваль ART-завод 2009 – «беспрецедентное для Екатеринбурга взаимодействие современного искусства и промышленности, художественное переосмысление темы заводов и индустриальной реальности» – сообщается на официальном сайте ЕФ ГЦИ. Это первый в нашем городе фестиваль, в котором организаторы используют индустриальное прошлое региона, чтобы создать будущее. Основная идея фестиваля: взаимодействие искусства с промышленными территориями. Завод, – по мнению организаторов, – зона созидания и эксперимента, который лежит в основании технического прогресса. Задача художника – проявить смысл невидимых

свойств материального, озвучить и расцветить производственные формулы. Материал восстает и находит выражение своих свойств в новых формах, далеких от какого-либо практического назначения. Чтобы оценить «эффекты материала», зритель вступает в непосредственный контакт с индустриальной средой и ее динамикой.

Исходя из того, что мы подразумеваем под формой (обозначаем термином «форма») – заводы попадают под эту категорию. Однако они сами по себе занимают не только достаточно большую территорию как в городе Екатеринбурге, так и составляют довольно внушительную часть всего уральского региона. Эти огромные пространства в пространстве, если можно так сказать.

В настоящее время эти предприятия постепенно утрачивают свое индустриальное значение: разоряются, закрываются, прекращают свою работу – и пустуют. Однако, особенно в таких старых индустриальных городах, как Екатеринбург, они занимают достаточно большие территории, в том числе и городского пространства.

Рассматривая пример «ART-завода», мы можем с уверенностью говорить о попытке создания городского пространственного мифа. Поскольку мероприятие проводится в стенах завода ежегодно, можно утверждать, что пространство завода помимо своего первоначального смысла (завод как предприятие) получает новые семиотические характеристики. Как то: «завод – зона эксперимента» или «завод – это место производства искусства». По сути, пространство завода под влиянием мероприятия приобретает статус «знакового места».

В первой главе мы упоминали также о возможности проверки истинности наличия мифов и его устойчивости. В трактовке мифа как сообщения о пространстве мы указывали, что это такое слово, которое формирует вокруг себя определенный контекст признаков места – а именно цельной системе представлений об этом месте.

Учитывая, что контент выставки с каждым годом становится все более интересным и разнообразным, что количество участников и посетителей растет, можно сделать вывод, что пространство завода постепенно начинает аккумулировать представления о себе, как о знаковом месте, определенном символе в рамках своего метапространства (город Екатеринбург).

Такая форма может оказаться хорошей учебной практикой для Екатеринбурга. Доктор философских наук Лев Закс считает, что во многих промышленных городах Европы бывшие цеха и заводы превращены в зоны искусства. Художественное производство пришло на смену техническому производству. Мы должны идти этим же путем.

Именно этот путь способен сильно повлиять на изменение облика города как во внешнем (улучшение отдаленных районов за счет «окультуривания» территорий), так и во внутреннем смысле (создание определенного имиджа). Это «startup», распознание ценности которого произойдет лишь спустя какое-то время.

Города Европы, города европейской части России, среди которых обе российские столицы имеют в себе еще одну характеристику городской мифологии – ее упоительную таинственность. У этих городов несколько лиц и образов, но народное сознание не оставляет равнодушным именно этот «таинственный образ». Санкт-Петербург Достоевского. Москва Булгакова. Сочетание бытовых и понятных образов с «магией места». В этом состоит основная роль использования мифологии.

Екатеринбург – молодой город. Он лишен цельной мифологической составляющей. Однако, необходимо отметить, что сфера искусства им еще не освоена. В Екатеринбурге сосредотачивается очень небольшое и пока нерегулярное количество событий в сфере культуры и искусства. На городских территориях немного арт-объектов, способных привлечь зрителя. Существующие на настоящий момент такие произведения находят самый положительный отклик у горожан.

Екатеринбург уже сделал шаг навстречу новому будущему, и сейчас он находится в самом начале пути развития творческих индустрий. Городу необходим новый образ, облик, и именно жители города: художники, критики, предприниматели, государственные деятели и обычные горожане – задают тренды, задают импульс для дальнейшего развития.

Проникновение в сферу массового городского сознания, в мифологические парадигмы городских пространств позволяет облегчить вхождение города в сферу искусства и культуры. Выявление закономерностей городского мифа является эффективным способом, одной из наиболее важных ступеней в создании культурного, интересного, «таинственного» образа города.

Проблема включения искусства в пространство города и города – в пространство искусства в настоящее время актуальна. В условиях конкуренции городов современное искусство становится одним из важных факторов формирования образа города, повышения его статуса, а потому так важно решить проблему взаимоотношения искусства и городского пространства.

Современное искусство использует множество самых разных подходов к решению проблемы органичного существования его на городских территориях.

В число этих подходов входят, прежде всего, взаимодействия произведения и пространства:

- наполнение старого пространства новой формой;
- наполнение старого пространства новым смыслом;
- наполнение старой формы новым или дополнительным смыслом.

В настоящий момент наиболее интересной и продуктивной является мифологизация как метод, подразумевающий наполнение формы или пространства новым смыслом.

Таким образом, современное искусство, существующее на территории города Екатеринбурга, тяготеет к мифологизации пространства. Арт-объекты, форма и содержание которых оказались соразмерны среде, приобрели статус знаковых мест города, и в настоящее время привлекают к себе зрителей. Кроме того, такие арт-объекты облагораживают пространство вокруг себя, вбирая в себя характеристики этого пространства.

Мифологизация, как один из подходов в современном искусстве, влияет на создание цельного образа города. Искусство, апеллируя к мифологическому пространству города, вносит свой вклад в развитие образа города посредством отбора средств и метафор, с помощью которых этот образ будет рождаться и развиваться, а также выполняет функцию синтеза: создания, отбора, уточнения и переосмысления основных знаков и символов, формирующих представление о городе.

Екатеринбург уже сделал шаг навстречу новому будущему, и сейчас он находится в самом начале пути развития творческих индустрий. Городу необходим новый образ, облик, и именно жители города: художники, критики, предприниматели, государственные деятели и обычные горожане – задают тренды, задают импульс для дальнейшего развития.

Библиографический список

1. Булатова С. Про страстотерпцев, чудотворцев и поганый столб / С. Булатова // ZAART. 2007. – № 15.
2. *Екатеринбург*. Искусство России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gif.ru/actions/long-stories/>.
3. *Молоков А.* Моя улица Вайнера [Электронный ресурс]/А. Молоков//Уральский архитектурный портал. Режим доступа: <http://arch66.ru/articles/9/13>.

*А. А. Махнев, Е. А. Шмоль, А. К. Махнева
(науч. рук. М.В. Семенова)*

РОЛЬ КУЛЬТУРЫ В РАЗВИТИИ ТЕРРИТОРИЙ

Странная игра в понятия происходит в нынешнем мире. Заглянув в прошлое на многие века назад, современный человек, наверное, удивился бы тому, какое сакральное значение наши предки придавали своей культуре. Они берегли ее, защищали, с любовью передавали сначала в устной, а затем и в письменной форме на поколения вперед, создавали ее атрибуты и историю.

Культуры, вливаясь одна в другую, переплавляясь и трансформируясь, все более отдалялись от смысла, первоначально вкладываемого в этот термин. Более того, с течением лет, появилось множество трактовок, слово становилось многозначным, хотя полного и точного определения (равно как и в отношении других глобальных понятий) никто дать так и не смог. И вот итог: современный мир уже не может похвастаться количеством бытующих в нем культур. На мой взгляд, те ученые, кто считает, что на определенном этапе развития человечества культура угасает, уступая место цивилизации, не совсем правы. Культура не может вымереть, как популяция дубов Бирманского леса или племя обров (аваров). Почему? Да потому, что из века в век на каком-то генетическом уровне сохраняющаяся потребность беречь свою культуру дает о себе знать.

Однако, сберегая культуру, люди не задумываются о том, что в настоящее время она стала настолько же монолитной, насколько безнациональной. В современном мире мы говорим о Европейской или Западной культуре, Восточной